

«Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке»
В.А. Жуковский (Текст в общественном достоянии.
Источник: ru.wikisource.org)

«Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке»

автор Василий Андреевич Жуковский

Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро; И
было у него три сына: Клим- Царевич,
Петр-царевич и Иван- Царевич. Да еще
был у него Прекрасный сад, и чудная
росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг В
тех яблоках царевых оказался
Великий недочет; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален, Что
похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трех сыновей, Он
им сказал: "Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим- Царевич,
Петр-царевич и Иван- Царевич; должно
вам теперь большую
Услугу оказать мне; в царский сад мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа эта
Тошнее смерти. Слушайте, друзья:
Тому из вас, кому поймать удастся Под
яблоней ночного вора, я Отдам при
жизни половину царства; Когда ж
умру, и все ему оставлю
В наследство". Сыновья, услышав то,

Что им сказал отец, уговорились
Поочередно в сад ходить, и ночь
Не спать, и вора сторожить. И первый Пошел,
как скоро ночь настала, Клим- Царевич в сад,
и там залег в густую Траву под яблоней, и с
полчаса
В ней пролежал, да и заснул так крепко, Что
полдень был, когда, глаза продрав, Он
поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратясь, царю Демьяну он Сказал, что
вор в ту ночь не приходил. Другая ночь
настала; Петр-царевич
Сел сторожить под яблонею вора; Он
целый час крепился, в темноту Во все
глаза глядел, но в темноте Все было
пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад. Давно был
день, когда проснулся он. Пришед к царю,
ему донес он так же, Как Клим-царевич, что
и в эту ночь Красть царских яблок вор не
приходил. На третью ночь отправился
Иван- Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился, Сидел
не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло Как
будто молнией; и что же видит Иван-
царевич? От востока быстро Летит жар-
птица, огненной звездой Блестя и в
день преобращая ночь.

Прижавшись к яблоне, Иван-царевич
Сидит, не движется, не дышит, ждет: Что
будет? Сев на яблоню, жар-птица За дело
принялась и нарвала

С десяток яблок. Тут Иван-царевич,
Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив На
землю яблоки, она рванулась Всей
силою и вырвала из рук Царевича свой
хвост и улетела; Однако у него в руках
одно
Перо осталось, и такой был блеск От
этого пера, что целый сад Казался
огненным. К царю Демьяну Пришел,
Иван-царевич доложил Ему, что вор
нашелся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же, Что
правду он сказал, Иван-царевич Почтительно
царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали Красть
яблок золотых, и царь Демьян Развеселился,
пополнел и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нем
Желанье сильное зажглось: добыть Воровку
яблок, чудную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей,
«Друзья мои, - сказал он, - Клим-царевич И
Петр-царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем И
с помощью господней поезжайте На
подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте Жар-

птицу; кто из вас ее достанет, Тому при
жизни я отдам полцарства.
А после смерти все ему оставлю
В наследство". Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились в дорогу.

Немного времени спустя пришел К
царю Иван-царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь Демьян
Данилович, позволь мне ехать За
братьями; и мне пора людей Увидеть, и
себя им показать,
И честь себе нажить от них и славу. Да и
тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.
Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь мой с богом". На это
царь сказал: "Иван-царевич,
Еще ты молод, погоди; твоя Пора
придет; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго На
свете жить; а если я один Умру, то на
кого покину свой Народ и царство?" Но
Иван-царевич Был так упрям, что
напоследок царь И нехотя его
благословил.

И в путь отправился Иван-царевич; И
ехал, ехал, и приехал к месту, Где
разделялася дорога на три.
Он на распутье том увидел столб, А
на столбе такую надпись: "Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу И
голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его Умрет,
а влево кто поедет, сам
Умрет, да конь его жив будет". Вправо,

Подумавши, поворотить решился
Иван-царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк И
кинулся свирепо на коня;
И не успел Иван-царевич взяться

За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван-царевич,
Повесив голову, пошел тихонько
Пешком; но шел недолго; перед ним По-
прежнему явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой сердечный,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел, Что на
столбе написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты Свою
печаль забудь и на меня Садись; тебе я
верою и правдой Служить отныне буду.
Ну, скажи же, Куда теперь ты едешь и
зачем?"

И Серому Иван-царевич Волку Все
рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: "Где отыскать жар-птицу, Я
знаю; ну, садися на меня,
Иван-царевич, и поедем с богом". И
Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком, и с ним он в полночь У
каменной стены остановился.

«Приехали, Иван-царевич! - Волк Сказал, -
но слушай, в клетке золотой За этою
оградю висит
Жар-птица; ты ее из клетки Достань
тихонько, клетки же отнюдь Не трогай:
попадешь в беду". Иван- Царевич
перелез через ограду;
За ней в саду увидел он жар-птицу В

богатой клетке золотой, и сад
был освещен, как будто солнцем. Вынув Из
клетки золотой жар-птицу, он Подумал: "В
чем же мне ее везти?"
И, позабыв, что Серый Волк ему

Советовал, взял клетку; но отвсюду
Проведены к ней были струны; громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись, И в
сад сбежались, и в саду Ивана- Царевича
схватили, и к царю Представили, а царь
(он назывался Далматом) так сказал:
"Откуда ты?
И кто ты?" - "Я Иван-царевич; мой Отец,
Демьян Данилович, владеет Великим,
сильным государством; ваша Жар-птица
по ночам летать в наш сад Повадилась,
чтоб золотые красть Там яблоки: за ней
меня послал Родитель мой, великий
государь Демьян Данилович". На это
царь Далмат сказал: "Царевич ты иль нет,
Того не знаю; но если правду Сказал ты,
то не царским ремеслом Ты
промышляешь; мог бы прямо мне
Сказать: отдай мне, царь Далмат, жар-птицу, И я
тебе ее руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушай, я тебе мою жар-птицу
Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива;
Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридешатое отправься царство И у
могучего царя Афона
Мне выпроси коня Золотогрива Иль

хитростью какой его достань.

Когда ж ко мне с конем не возвратишься, То

по всему расславлю свету я,

Что ты не царский сын, а вор; и будет

Тогда тебе великий срам и стыд".
Повесив голову, Иван-царевич Пошел
туда, где был им Серый Волк Оставлен.
Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня, Иван-царевич, Ты
не послушался; но пособить
Уж нечем; будь вперед умней; поедем За
тридевять земель к царю Афрону". И
Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком; и к ночи в царство Царя
Афрона прибыли они
И у дверей конюшни царской там
Остановились. "Ну, Иван-царевич,
Послушай, - Серый Волк сказал, - войди В
конюшню; конюха спят крепко; ты Легко из
стойла выведешь коня Золотогрива; только
не бери
Его уздечки; снова попадешь в беду". В
конюшню царскую Иван-царевич Вошел
и вывел он коня из стойла;
Но на беду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею так, что позабыл Совсем о
том, что Серый Волк сказал, И снял с
гвоздя уздечку. Но и к ней Проведены
отвсюду были струны;
Все зазвенело; конюха вскочили;
И был с конем Иван-царевич пойман, И
привели его к царю Афрону.
А царь Афрон спросил сурово: "Кто ты?" Ему
Иван-царевич то ж в ответ
Сказал, что и царю Далмату. Царь

Афрон отвечал: "Хороший ты Царевич! Так ли должно поступать Царевичам? И царское ли дело Шататься по ночам и воровать Коней? С тебя я буйную бы мог

Снять голову; но молодость твою
Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь, Лишь
поезжай за тридевять земель Ты в
тридесятое отсюда царство Да
привези оттуда мне царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Ее не привезешь, то я везде расславлю, Что ты
ночной бродяга, плут и вор".

Опять, повесив голову, пошел Туда
Иван-царевич, где его
Ждал Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты, Иван-царевич! Если б я Тебя
так не любил, здесь моего бы И духу не
было. Ну, полно охать, Садися на меня,
поедем с богом
За тридевять земель к царю Касиму;
Теперь мое, а не твое уж дело".
И Серый Волк опять скакать с Иваном-
Царевичем пустился. Вот они Проехали
уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве; И
Серый Волк, ссадив с себя Ивана-
Царевича, сказал: "Недалеко Отсюда
царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под этим
Зеленым дубом". Серый Волк пошел, И
перелез через ограду сада,
И закопался в куст, и там лежал Не
шевелиясь. Прекрасная Елена

Касимовна - с ней красные девицы, И
мамушки, и нянюшки - пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна, От
прочих отделяя, шла одна,

Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за спину ее свою
Закинул и давай бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор, министры, камергеры И
генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих - все напрасно: Уж
Серый Волк с царевной и с Иваном-
Царевичем был далеко, и след
Давно простыл; царевна же лежала
Без всякого движенья у Ивана-
Царевича в руках (так Серый Волк Ее,
сердечную, перепугал).
Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем Очнувшись,
подняла их на Ивана- Царевича и
покраснела вся,
Как роза алая, и с ней Иван- Царевич
покраснел, и в этот миг Она и он друг
друга полюбили
Так сильно, что ни в сказке рассказать, Ни
описать пером того не можно.
И пал в глубокую печаль Иван- Царевич:
крепко, крепко не хотелось С царевною
Еленюю ему
Расстаться и отдать ее царю Афрону;
да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив Их

горе, так сказал: "Иван-царевич, Изволишь
ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба - службишка; прямая служба Ждет
впереди". И вот они уж в царстве

Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царевич, здесь должны умненько Мы
поступить: я превращусь в царевну; А ты со
мною явись к царю Афрону.
Меня ему отдай и, получив
Коня Золотогрива, поезжай вперед С
Еленой Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте; ждате же вам Не
будет скучно". Тут, ударясь оземь, Стал Серый
Волк царевною Еленой Касимовной. Иван-
царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону И
получив коня Золотогрива,
На том коне стрелой пустился в лес, Где
настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовилась свадьба:
И в тот же день с невестой царь к венцу
Пошел; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афрон
С шершавою столкнулся волчьей мордой, И
эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой Красавицу, а
волка царь Афрон Увидел; Серый Волк
недолго стал Тут церемониться: он сбил
хвостом Царя Афрона с ног и прынул к
двери.
Все принялись кричать: "Держи, держи!
Лови, лови!" Куда ты! Уж Ивана- Царевича
с царевною Еленой

Давно догнал проворный Серый Волк; И
уж, сошед с коня Золотогрива, Иван-
царевич пересел на Волка,
И уж вперед они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство

Далматово они. И Серый Волк Сказал:
"В коня Золотогрива
Я превращусь, а ты, Иван-царевич, Меня
отдав царю и взяв жар-птицу, По-
прежнему с царевною Еленой Ступай
вперед; я скоро догоню вас".
Так все и сделалось, как Волк устроил.
Немедленно велел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нем Он с
свитою придворной на охоту; И
впереди у всех он поскакал
За зайцем; все придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Далмат!" Но
вдруг из-под него на всем скаку Юркнул
шершавый волк, и царь Далмат,
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз, Ногами
вверх, и, по плеча ушедши В
распаханную землю, упирался
В нее руками, и, напрасно силясь
Освободиться, в воздухе болтал
Ногами; вся к нему тут свита Скакать
пустилася; освободили Царя; потом
все принялися громко
Кричать: "Лови, лови! Трави, трави!" Но
было некого травить; на Волке Уже по-
прежнему сидел Иван- Царевич; на коне
ж Золотогриве Царевна, и под ней
Золотогрив Гордился и плясал; не
торопясь, Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль Их

длилася дорога - наконец
Они доехали до места, где Иван-
Царевич Серым Волком в первый раз
Был встречен; и еще лежали там

Его коня белеющие кости;
И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану-
Царевичу: "Теперь, Иван-царевич, Пришла
пора друг друга нам покинуть; Я верою и
правдою доныне
Тебе служил, и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье Хочу
тебе совет полезный дать: Будь
осторожен, люди злы; и братьям Родным
не верь. Молю усердно бога, Чтоб ты
домой доехал без беды
И чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван- Царевич".
С этим словом Волк исчез. Погоревав о нем,
Иван-царевич,
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дале
Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе царства, Где
властвовал премудрый царь Демьян
Данилович, увидели богатый
Шатер, разбитый на лугу зеленом;
И из шатра к ним вышли... кто же? Клим
И Петр царевичи. Иван-царевич
Был встречею такую несказанно Обрадован;
а братьям в сердце зависть Змеей вползла,
когда они жар-птицу
С царевною Еленой у Ивана-
Царевича увидели в руках:

Была им мысль несносна показаться Без
ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с жар-птицей, С
прекрасною невестой и с конем
Золотогривом и еще получит

Полцарства по приезде; а когда
Отец умрет, и все возьмет в наследство. И вот
они замыслили злодейство:

Вид дружеский принявши, пригласили
Они в шатер свой отдохнуть Ивана-
Царевича с царевною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба Вошли в
шатер. Иван-царевич, долгой Дорогой
утомленный, лег и скоро Заснул
глубоким сном; того и ждали Злодеи
братья: мигом острый меч Ему они
вонзили в грудь, и в поле Его оставили, и,
взяв царевну,

Жар-птицу и коня Золотогрива, Как
добрые, отправились в путь.

А между тем, недвижим, бездыханен,
Облитый кровью, на поле широком
Лежал Иван-царевич. Так прошел Весь
день; уже склоняться начинало На запад
солнце; поле было пусто;

И уж над мертвым с черным вороненком
Носился, каркая и распутивши Широко
крылья, хищный ворон. Вдруг, Откуда ни
возьмись, явился Серый Волк: он, беду
великую почуяв,

На помощь подоспел; еще б минута, И
было б поздно. Угадав, какой Был
умысел у ворона, он дал

Ему на мертвое спуститься тело; И
только тот спустился, разом цап
Его за хвост; закаркал старый ворон.

«Пусти меня на волю. Серый Волк, -
Кричал он. "Не пущу, - тот отвечал, - Пока
не принесет твой вороненок Живой и
мертвой мне воды!" И ворон Велел лететь
скорее вороненку

За мертвою и за живой водою. Сын
полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво Стал
разговаривать, и старый ворон Довольно мог
ему порассказать
О том, что он видал в свой долгий век Меж
птиц и меж людей. И слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк
И мудрости его необычайной Дивился,
но, однако, все за хвост Его держал и
иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь Настала
и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мертвой В
двух пузырьках проворный вороненок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошел К
лежавшему недвижимо Ивану-
Царевичу: сперва его он мертвой
Водою вспрыснул - и в минуту рана Его
закрылася, окостенелость Пропала в
мертвых членах, заиграл Румянец на
щеках; его он вспрыснул Живой водой -
и он открыл глаза, Пошевелился,
потянулся, встал
И молвил: "Как же долго проспал я!"
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван- Царевич,
- Серый Волк сказал, - когда б Не я; теперь
тебе прямую службу

Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе Заботься
сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев братьев нет уж боле

На свете; им могучий чародей Кощей
бессмертный голову обоим Свернул, и
этот чародей навел
На ваше царство сон; и твой родитель, И
подданные все его теперь Непробудимо
спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конем Золотогривом
Похитил вор Кощей; все трое
Заключены в его волшебном замке. Но
ты, Иван-царевич, за свою Невесту
ничего не бойся; злой Кощей над нею
власти никакой Иметь не может:
сильный талисман
Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя; ее избавит только смерть Кощеева;
а как найти ту смерть, и я Того не ведаю; об
этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, темном лесе, В
седом, глухом бору живет в избушке.
На курьих ножках; в этот лес еще
Никто следа не пролагал; в него
Ни дикий зверь не заходил, ни птица Не
залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою замечает. От нее
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,
Как смерть Кощееву тебе достать. А я
тебе скажу, где ты найдешь Коня,

который привезет тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе
Яге. Ступай отсюда на восток; Придешь на
луг зеленый; посреди
Его растут три дуба; меж дубами

В земле чугунная зарыта дверь
С кольцом; за то кольцо ты подыми Ту
дверь и вниз по лестнице сойди; Там за
двенадцатью дверями заперт Конь
богатырский; сам из подземелья К тебе
он выбежит; того коня Возьми и с богом
поезжай; с дороги Он не собьется. Ну,
теперь прости, Иван-царевич; если бог
велит

С тобой нам свидеться, то это будет Не
иначе, как у тебя на свадьбе".

И Серый Волк помчался к лесу; вслед За
ним смотрел Иван-царевич с грустью; Волк,
к лесу подбежавши, обернулся,

В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван-царевич,
Оборотившись на восток лицом, Пошел
вперед. Идет он день, идет

Другой; на третий он приходит к лугу
Зеленому; на том лугу три дуба Растут;
меж тех дубов находит он Чугунную с
кольцом железным дверь; Он подымает
дверь; под тою дверью Крутая лестница;
по ней он вниз Спускается, и перед ним
внизу Другая дверь, чугунная ж, и крепко
Она замком всячим заперта.

И вдруг он слышит, конь заржал; и ржанье Так
было сильно, что с петлей сорвавшись, Дверь
наземь рухнула с ужасным стуком;
И видит он, что вместе с ней упало Еще
одиннадцать дверей чугунных.

За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван-царевич свистнул;
Почуяв седока, на молодецкий

Свист богатырский конь из стойла прынул И
прибежал, легок, могуч, красив, Глаза как
звезды, пламенные ноздри, Как туча грива,
словом, конь не конь, А чудо. Чтоб узнать,
каков он силой, Иван-царевич по спине его
Повел рукой, и под рукой могучей Конь
захрапел и сильно пошатнулся, Но
устоял, копыта втиснув в землю; И
человечьим голосом Ивану- Царевичу
сказал он: "Добрый витязь, Иван-царевич,
мне такой, как ты, Седок и надобен;
готов тебе
Я верю и правдою служить;
Садися на меня, и с богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги
Я знаю; только прикажи, куда Тебя
везти, туда и привезу". Иван-царевич
в двух словах коню Все объяснил и,
севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий конь, От
радости заржавши, на дыбы;
Бьет по крутым бедрам его седок;
И конь бежит, под ним земля дрожит;
Несется выше он дерев стоячих, Несется
ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол, И
застиляет узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает, Летя
стрелой и легкими ногами Былиночки
к земле не пригибая, Пылиночки с
земли не подымая.

Но, так скакав день целый, наконец Конь
утомился, пот с него бежал Ручьями, весь
был окружен, как дымом, Горячим паром
он. Иван-царевич,

Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом; Уж
было под вечер; широким полем
Иван-царевич ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга Рогами
тычут. К ним Иван-царевич Подъехавши,
спросил: "За что у вас, Ребята, дело стало?"
- "Вот за что, -
Сказал один. - Три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка - нас же двое; Как
поровну нам разделить? Мы заспорили,
и вышла драка; ты Разумный человек;
подай совет нам,
Как поступить?" - "А вот как, - им Иван-
Царевич отвечал. - Пущу стрелу,
А вы за ней бегите; с места ж, где Она на
землю упадет, обратно Пуститесь взапуски
ко мне; кто первый Здесь будет, тот возьмет
себе на выбор Два клада; а другому взять
один.
Согласны ль вы?" - "Согласны", - закричали Рогатые;
и стали рядом. Лук
Тугой свой натянув, пустил стрелу Иван-
царевич: Лешие за ней Помчались,
выпуча глаза, оставив На месте скатерть,
шапку и дубинку. Тогда Иван-царевич,
взяв под мышку И скатерть и дубинку,
на себя Надел спокойно шапку-

невидимку, Стал невидим и сам и конь и
дале Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку Иль
помириться. Богатырский конь

Поспел еще до захожденья солнца В
дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных Дубов
и сосен, тускло освещенных Зарей
вечернею; и все в нем тихо: Деревья все
как сонные стоят,
Не колыхнется лист, не шевельнется
Былинка; нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, ни птицы
Между ветвей, ни в травке червяка; Лишь
слышится в молчанье повсеместном
Гремучий топот конский. Наконец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: "Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне Стань
передом". И перед ним избушка
Перевернулась; он в нее вошел;
В дверях остановясь, перекрестился На
все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидел, Что
на полу ее лежала Баба
Яга, уперши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: "Фу! фу! фу! Какое
диво! Русского здесь духу
До этих пор не слыхано слыхом, Не
видано видом, а нынче русский Дух
уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иван-царевич?"

Неволею или волею? Доне
Здесь ни дубравный зверь не проходил, Ни
птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проезжал; Тебя
как бог сюда занес, Иван-

Царевич?" - "Ах, безмозглая ты ведьма!-
Сказал Иван-царевич Бабе
Яге. - Сначала накорми, напой Меня
ты, молодца, да постели Постелю мне,
да выспаться мне дай, Потом
расспрашивай". И тотчас Баба Яга,
поднявшись на ноги, Ивана- Царевича
как следует обмыла
И выпарила в бане, накормила И
напоила, да и тотчас спать
В постелю уложила, так примолвив:
«Спи, добрый витязь; утро мудренее, Чем
вечер; здесь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду ж свою расскажешь
Мне завтра; я, как знаю, помогу".
Иван-царевич, богу помолясь,
В постелю лег и скоро сном глубоким Заснул
и проспал до полудня. Вставши, Умывшись,
одевшись, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем Заехал к
ней в дремучий лес; и Баба Яга ему
ответствовала так:
«Ах! добрый молодец Иван-царевич,
Затеял ты нешуточное дело;
Но не кручинься, все уладим с богом; Я
научу, как смерть тебе Кощея
Бессмертного достать; изволь меня
послушать; на море на Окияне,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим старым дубом
Зарыт сундук, окованный железом;

В том сундуке лежит пушистый заяц; В
том зайце утка серая сидит;
А в утке той яйцо; в яйце же смерть Кощеева.
Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощею, а когда

В его приедешь замок, то увидишь, Что
змея двенадцатиголовый вход
В тот замок стережет; ты с этим змеем Не
думай драться, у тебя на то Дубинка есть;
она его уймет.

А ты, надевши шапку-невидимку, Иди
прямой дорогою к Кощею
Бессмертному; в минуту он издохнет, Как
скоро ты при нем яйцо раздавишь, Смотри
лишь не забудь, когда назад Поедешь,
взять и гусли-самогуды: Лишь их игрою
только твой родитель Демьян Данилович
и все его Заснувшее с ним вместе
государство Пробуждены быть могут. Ну,
теперь Прости, Иван-царевич; бог с
тобою; Твой добрый конь найдет дорогу
сам;

Когда ж свершишь опасный подвиг свой, То
и меня, старуху, помяни
Не лихом, а добром". Иван-царевич,
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился,
По молодецки свистнул, конь помчался, И
скоро лес дремучий за Иваном- Царевичем
пропал в дали, и скоро Мелькнуло впереди
чертою синей
На крае неба море Окиян.

Вот прискакал и к морю Окияну Иван-
царевич. Осмотрясь, он видит, Что у
моря лежит рыбачий невод
И что в том неводе морская щука

Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: "Иван-
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я пригожуся".
Иван-царевич тотчас просьбу щуки

Исполнил, и она, хлестнув хвостом
В знак благодарности, исчезла в море. А на
море глядит Иван-царевич
В недоумении; на самом крае,
Где небо с ним как будто бы слилось, Он
видит, длинной полосой остров Буян
чернеет; он и недалек;
Но кто туда перевезет? Вдруг конь
Заговорил: "О чем, Иван-царевич,
Задумался? О том ли, как добраться Нам
до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебе корабль; сиди На
мне, да крепче за меня держись, Да не
робей, и духом доплывем".
И в гриву конскую Иван-царевич
Рукою впутался, крутые бедра Коня
ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, расскаавшись, прынул С
крутого берега в морскую бездну; На миг
и он и всадник в глубине Пропали; вдруг
раздвинулася с шумом Морская зыбь, и
вынырнул могучий Конь из нее с
отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью Бить
по водам и волны пробивать, И вокруг
него кипела, волновалась, И пенилась, и
брызгами взлетала Морская зыбь, и
сильными прыжками, Под крепкие
копыта загребая Кругом ревущую
волну, как легкий
На парусах корабль с попутным ветром,

Вперед стремился конь, и длинный след
Шипящею за ним бежал змеею;
И скоро он до острова Буяна Доплыл
и на берег его отлогий Из моря
выбежал, покрытый пеной.

Не стал Иван-царевич медлить; он, Коня
пустив по шелковому лугу Ходить, гулять
и траву медовую Щипать, пошел
поспешным шагом к дубу, Который рос у
берега морского
На высоте муравчатого холма. И, к
дубу подошед, Иван-царевич Его
шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он Опять
его шатнул - дуб скрипнул; он Еще шатнул
его и посильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван-царевич
Всей силою рванул его - и с треском Он
повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, поднялися, И
там, где ими дуб впивался в землю,
Глубокая открылась яма. В ней
Иван-царевич кованый сундук Увидел;
тотчас тот сундук из ямы Он вытащил,
висячий сбил замок, Взял за уши
лежавшего там зайца И разорвал; но
только лишь успел Он зайца разорвать,
как из него Вдруг выпорхнула утка;
быстро Она взвилась и полетела к
морю; В нее пустил стрелу Иван-
царевич, И метко так, что пронизал ее
Насквозь; закрикав, кувырнула утка; И из
нее вдруг выпало яйцо
И прямо в море; и пошло, как ключ, Ко
дну. Иван-царевич ахнул; вдруг, Откуда ни

возьмись, морская щука Сверкнула на воде,
потом юркнула, Хлестнув хвостом, на дно,
потом опять Всплыла и, к берегу с яйцом во
рту

Тихохонько приближась, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван-царевич, Что
я тебе в час нужный пригодилась". С сим
словом щука уплыла. Иван- Царевич взял
яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твердый берег Его
обратно перенес. И дале Конь
поскакал и скоро прискакал К крутой
горе, на высоте которой Кощеев замок
был; ее подошва Обведена была
стеной железной; А у ворот железной
той стены Двенадцатиголовой змей
лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днем И
ночью по два раза для надзора Сменяясь; а в
виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
Не смел; змей подымался, и от зуб Его
уж не было спасенья - он
Был невредим и только сам себя
Мог умертвить: чужая ж сила сладить С
ним никакая не могла. Но конь Был
осторожен; он подвез Ивана- Царевича к
горе со стороны, Противной воротам, в
которых змей Лежал и караулил;
потихоньку
Иван-царевич в шапке-невидимке
Подъехал к змею; шесть его голов Во
все глаза по сторонам глядели, Разинув

рты, оскалив зубы; шесть Других голов
на вытянутых шеях Лежали на земле,
не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут Иван-
царевич, подтолкнув дубинку,

Висевшую спокойно на седле,
Шепнул ей: "Начинай!" Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла, На
змея кинулась и ну его
По головам и спящим и неспящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал Туда,
сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;
Лишь только он одну разинет пасть,
Чтобы ее схватить - ан нет, прошу Не
торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб ее
Поймать, - она по всем его зубам,
Оскаленным как будто напоказ, Гуляет
и все зубы чистит; взыв И все носы
наморщив, он зажмет Все рты и лапами
схватить дубинку Попробует - она
тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам; Змей в
исступлении, как одурелый, Кидался, выл,
кувыркался, от злости Дышал огнем, грыз
землю - все напрасно! Не торопясь, отчетливо,
спокойно,
Без промахов, над ним свою дубинка
Работу продолжает и его,
Как на току усердный цеп, молотит; Змей
наконец озлился так, что начал Грызть самого
себя и, когти в грудь Себе вдруг запустив,
рванул так сильно, Что разорвался надвое и, с
визгом

На землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мертвым продолжать Свою,
как над живым, хотела; но Иван-царевич
ей сказал: "Довольно!" И вмиг она, как
будто не бывала

Ни в чем, повисла на седле. Иван-Царевич, у ворот коня оставив И разостлавши скатерть-самобранку У ног его, чтоб мог усталый конь Наесться и напиться вдоволь, сам Пошел, покрытый шапкой-невидимкой, С дубинкою на всякий случай и с яйцом В Кощеев замок. Трудновато было Карабкаться ему на верх горы; Вот, наконец, добрался и до замка Кощеева Иван-царевич. Вдруг Он слышит, что в саду недалеко Играют гусли-самогуды; в сад Вошедши, в самом деле он увидел, Что гусли на дубу висели и играли И что под дубом тем сама Елена Прекрасная сидела, погрузившись В раздумье. Шапку-невидимку снявши, Он тотчас ей явился и рукою Знак подал, чтоб она молчала. Ей Потом он на ухо шепнул: "Я смерть Кощееву принес; ты подожди Меня на этом месте; я с ним скоро Управлюся и возвращусь; и мы Немедленно уедем". Тут Иван- Царевич, снова шапку-невидимку Надев, хотел идти искать Кощея Бессмертного в его волшебном замке, Но он и сам пожаловал. Приближаясь, Он стал перед царевною Еленой Прекрасною и начал попрекать ей Ее печаль и говорить: "Иван- Царевич

твой к тебе уж не придет; Его уж нам не
воскресить. Но чем же Я не жених тебе,
скажи сама, Прекрасная моя царевна?
Полно ж

Упрямитесь, упрямество не поможет; Из
рук моих оно тебя не вырвет; Уж я..."
Дубинке тут шепнул Иван- Царевич:
"Начинай!" И принялась Она трепать
Кощею спину. С криком, Как бешеный,
коверкаться и прыгать Он начал, а Иван-
царевич, шапки
Не сняв, стал приговаривать: "Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему, Собаке, не
воруй чужих невест;
Не докучай своей волчьей харей
И глупым сватовством своим прекрасным
Царевнам; злого сна не наводи
На царства! Крепче бей его, дубинка!"
«Да где ты! Покажись! - кричал Кощей - Перекувырнулся и
околел.

Иван-царевич из саду с царевной
Еленою прекрасной вышел, взять Не
позабывши гусли-самогуды, Жар-
птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились И,
севши на коней, в обратный путь Поехали,
гора, ужасно затрещав, Упала с замком, и
на месте том Явилось озеро, и долго
черный
Над ним клубился дым, распространяясь По
всей окрестности с великим смрадом. Тем
временем Иван-царевич, дав
Коням на волю их везти, как им Самим
хотелось, весело с прекрасной Невестой
ехал. Скатерть-самобранка Усердно им

дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный завтрак, Обед
и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень Под
деревом густовершинным, ночью

Под шелковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью Светила
им жар-птица, а дубинка Стояла на
часах перед шатром; Кони же,
подружась, гуляли вместе, Каталися по
бархатному лугу,
Или траву росистую щипали, Иль,
голову кладя поочередно
Друг другу на спину, спокойно спали. Так
ехали они путем-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана-
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство все, от самых Его
границ до царского дворца, Объято
было сном непробудимым;
И где они ни проезжали, все Там
спало; на поле перед сохой Стояли
спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой
Дороги спал ездок с конем, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижимым клубом
Стояла; в воздухе был мертвый сон; На
деревях листья дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы;
В селеньях, в городах все было тихо, Как
будто в гробе: люди по домам, По
улицам, гуляя, сидя, стоя,

И с ними всё: собаки, кошки, куры, В
конюшнях лошади, в закутах овцы, И
мухи на стенах, и дым в трубах - Всё
спало. Так в отцовскую столицу Иван-
царевич напоследок прибыл

С царевною Еленою прекрасной.
И, на широкий въехав царский двор,
Они на нем лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Петр
Царевичи, убитые Кощеем.
Иван-царевич, мимо караула,
Стоявшего в параде сонным строем,
Прошед, по лестнице повел невесту В
покои царские. Был во дворце, По
случаю прибытия двух старших
Царевых сыновей, богатый пир
В тот самый час, когда убил обоих
Царевичей и сон на весь народ
Навел Кощей: весь пир в одно мгновенье
Тогда заснул, кто как сидел, кто как Ходил,
кто как плясал; и в этом сне Еще их всех
нашел Иван-царевич; Демьян Данилович
спал стоя; подле Царя храпел министр его
двора
С открытым ртом, с неконченным во рту
Докладом; и придворные чины,
Все вытянувшись, сонные стояли
Перед царем, уставив на него Свои
глаза, потухшие от сна,
С подобострастием на сонных лицах, С
заснувшею улыбкой на губах.
Иван-царевич, подошел с царевной
Еленою прекрасною к царю,
Сказал: "Играйте, гусли-самогуды"; И
заиграли гусли-самогуды...
Вдруг все очнулось, все заговорило,

Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир. А
царь Демьян Данилович, увидя, Что
перед ним с царевною Еленой
Прекрасною стоит Иван-царевич,

Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя, И
целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился, Что
руки в боки - и пошел плясать С
царевною Еленою прекрасной.
Потом он приказал стрелять из пушек,
Звонить в колокола и бирючам Столице
возвестить, что возвратился Иван-царевич,
что ему полцарства Теперь же уступает
царь Демьян Данилович, что он
наименован Наследником, что завтра брак
его
С царевною Еленою свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь свой народ зовет
На свадьбу к сыну, всех военных, статских,
Министров, генералов, всех дворян Богатых,
всех дворян мелкопоместных, Купцов, мещан,
простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повел Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленья Им
принесли все знатные чины Обоих
полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как море; Когда
же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
«Да здравствует наш государь Демьян

Данилович с наследником Иваном-Царевичем и с дочерью царевной Еленюю прекрасною!" - все зданья Столицы дрогнули и от взлетевших На воздух шапок божий день затмился.

Вот на обед все званные царем
Сошлись гости - вся его столица; В
домах остались одни больные Да
дети, кошки и собаки. Тут
Свое проворство скатерть-самобранка Явила:
вдруг она на целый город Раскинулась; сама
собою площадь Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись; На
всех столах сервиз был золотой, И не
стекло, хрусталь; а под столами Шелковые
ковры повсюду были Разостланы; и всем
гостям служили Гайдуки в золотых
ливреях. Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха, как жидкий Янтарь,
сверкавшая в больших кастрюлях;
Огромножирные, длиною в сажень
Из Волги стерляди на золотых Узорных
блюдах; кулебяка с сладкой Начинкою, с
груздями гуси, каша
С сметаною, блины с икрою свежей И
крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мед Душистый
и вино из всех земель: Шампанское,
венгерское, мадера,
И ренское, и всякие наливки - Короче
молвить, скатерть-самобранка Так
отличилась, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно: Вся

гвардия была за царский стол
Приглашена, вся даже городская
Полиция - дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце

Держала караул; она ж ходила По
улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто ей пьяный попадался, Того
она толкала в спину прямо
На съезжую; кого ж в пустом где доме За
кражею она ловила, тот
Был так отшлепан, что от воровства
Навеки отрекался и вступал
На путь добродетели - дубинка, словом,
Неимоверные во время пира
Царю, гостям и городу всему Услуги
оказала. Между тем
Всё во дворце кипело, гости ели И
пили так, что с их румяных лиц
Катился пот; тут гусли-самогуды
Явили все усердие свое:
При них не нужен был оркестр, и гости Уж
музыки наслышались такой,
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда наполнив Вином
здравный кубок, царь Демьян Данилович
хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным, громко
На площади раздался трубный звук; Все
изумились, все оторопели; Царь с
молодыми сам идет к окну, И что же их
является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет; И
та карета золотая; козлы

С подушкою и бархатным покрыты
Наметом; назади шесть гайдуков; Шесть
скороходов по бокам; ливреи На них из
серого сукна, по швам Басоны; на
каретных дверцах герб:

В червленом поле волчий хвост под графской
Короною. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: "Да это Мой
благодетель Серый Волк!" Его
Встречать бегом он побежал. И точно,
Сидел в карете Серый Волк; Иван- Царевич,
подскочив к карете, дверцы Сам отворил,
подножку сам откинул
И гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, взял его за лапу, Ввел во
дворец и сам его царю Представил. Серый
Волк, отдав поклон Царю, осанисто на
задних лапах
Всех обошел гостей, мужчин и дам, И
всем, как следует, по комплименту
Приятному сказал; он был одет Отлично:
красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду лентой
Подвязанная; шелковый платок
На шее; куртка с золотым шитьем;
Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьяновые на задних лапах туфли, И
на хвосте серебряная сетка
С жемчужною кистью - так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхождением
Очаровал; не только что простые Дворяне
маленьких чинов и средних,
Но и чины придворные, статс-дамы И
фрейлины все были от него

Как без ума. И, гостя за столом С
собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок стукнул И
возгласил здоровье новобрачным,
И пушечный задравный грянул залп.

Пир царский и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала Ночная
тьма, жар-птицу на балконе В ее
богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и площадь, И
улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила. И
до утра столица пиновала.
Был ночевать оставлен Серый Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном- Царевичем,
его Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житье, и уверял, Что
всякую получит почесть он,
Что во дворце дадут ему квартиру, Что
будет он по чину в первом классе, Что
разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк В
знак своего согласия Ивану-
Царевичу дал лапу, и Иван-
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк.
Вот наконец, по долгом, мирном, славном
Владычестве, премудрый царь Демьян
Данилович скончался, на престол
Взошел Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и господь благословил Их
многими детьми; а Серый Волк

Душою в душу жил с царем Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними,
Меньшим рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать

И арифметике и им давал Полезные
для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовав премудро, И
царь Иван Демьянович скончался; За ним
последовал и Серый Волк
В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всем,
Что на своем веку в лесу и свете
Заметил он, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.

"Сказка написана между 27 марта и 6 апреля 1845 г. во
Франкфурте-на-Майне.

Первая публикация - журнал "Современник", 1846, т.
XXXIX, с. 225-263."

